

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Исследуется сложный и противоречивый процесс становления новой системы международных отношений, анализу ее исторических основ. Международные отношения автор рассматривает как сегмент социальной практики, в котором прошлое, настоящее и будущее всегда находятся в тесной причинно-следственной связи. Современный мировой порядок рождается как итог переустройства мира, исходным пунктом которого стало глобальное геополитическое изменение конца XX века — крушение СССР.

история международных отношений, мировой порядок, система международных отношений, баланс сил, однополярный мир, биполярность, многополярность.

Историческое сознание в целом и историческая наука в частности направлены сегодня, прежде всего, в прошлое. Так было далеко не всегда. Историк Нового времени являлся и «летописцем» прошлого, и «толкователем» настоящего, и в немалой степени «предсказателем» будущего. В силу меньшей дифференциации гуманитарного знания история тогда компенсировала отсутствие многих научных дисциплин.

В Новейшее время последние десятилетия прошлого, настоящее и будущее становятся, как правило, объектами изучения для других гуманитарных наук — экономики, социологии, политологии. Член-корреспондент РАН Л.П. Репина отмечает: «В целом для современной историографии характерно разделение пространств настоящего и будущего. Это установление разрыва между настоящим и будущим часто описывается как «презентизм», исчезновение измерения будущего как такового, которое, будучи отделено от настоящего, перестает быть реальным. <...> Историки отказались от идеи предсказания будущего и практически полностью исключили тему будущего из круга своих профессиональных интересов, согласившись с тем, что история никогда не повторяется, и даже если знание о том, как были устроены общества прошлого, помогает понять современное общество, оно все же не дает нам никакого точного знания о том, что грядет»¹.

Международные отношения, по нашему мнению, представляют собой такой сегмент социальной практики, в котором прошлое, настоящее и будущее переплетаются самым причудливым образом и почти всегда находятся в тесной причинно-следственной связи.

Последние двадцать пять лет стали периодом неоднократных существенных изменений системы международных отношений. В эти годы мы застаем закат биполярности, наблюдаем несостоявшуюся монополярность, под которой мы понимаем американский гегемонизм, констатируем многополярность. Интенсивность процессов на международной арене позволяет сделать два, как нам представляется, бесспорных вывода: во-первых, в современном мире отсутствует устойчивая система отношений между государствами и другими акторами; во-вторых, пришедшая на смену биполярности нестабильность подтверждает наши представления о чрезвычайной подвижности триады «прошлое — настоящее — будущее» в международных отношениях.

Само определение понятий «мировой порядок» и «международная система» носит дискуссионный характер. По нашему мнению, лаконично и адекватно это делает Ш. Шахалилов. «Мировой порядок, — отмечает исследователь, — есть совокупность правил поведения государств на международной арене, устанавливаемых победителями с целью защиты национальных интересов и недопущения новых угроз своей безопасности»². «Под современной международной системой, — считает он, — подразумевается совокупность государств мира, руководствующихся общепринятыми принципами и нормами международного общения,

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 499.

² Шахалилов Ш.Ш. Мировой порядок: проблемы трансформации // Международная жизнь. 2016. № 9. С. 113.

зафиксированными в документах ООН, приверженных Уставу этой организации»³. Рассматривая взаимосвязь между двумя понятиями, М. Шахалилов утверждает: «Мировой порядок есть модель управления международной системой, наиболее полно отражающая расклад сил между ведущими державами, сложившийся на конкретном историческом отрезке»⁴.

Первый устойчивый Вестфальский мировой порядок сформировался после окончания в Европе Тридцатилетней войны (1618-1648), затем сменяли друг друга Венский, Версальский, Ялтинско-Потсдамский. Все они определяли параметры соответствующих международных систем, каждая из которых характеризовалась своей уникальной внутренней логикой, соответствующим балансом сил и набором главных акторов. Общим для них являлось то, что возникли они как результат мирного обустройства международных отношений после разрушительных широкомасштабных войн — двух европейских и двух мировых.

Современный мировой порядок рождается не как результат новой глобальной войны, которая исключает всякое общественное развитие в силу сокрушительности всего и вся, а как итог переустройства мира, исходным пунктом которого стало глобальное геополитическое изменение конца XX века — крушение СССР.

Говоря об исторических корнях современного мирового порядка, мы предлагаем обсудить четыре «проблемных поля»:

1. Вестфальский порядок, параметры и характеристики которого продолжают оставаться важными на современном этапе развития международной системы, несмотря на зарождение элементов глобального управления.

2. Различные варианты представлений о мироустройстве, которые, исключая Вестфальский, мы условно определяем как «китайский традиционный», «исламский» и «американский мессианский».

3. «Многополярность 1920-х годов» прошлого века, ставшая, в некотором смысле, прототипом современной системы международных отношений, но в гораздо меньших, в основном европейских, масштабах.

4. Биполярность, превратившая советско-американские отношения в определяющий фактор всего мирового развития.

Как нам представляется, сочетание элементов указанных проблемных полей можно рассматривать как исторический фундамент формирующегося сегодня нового мирового порядка.

«В соответствии с истоками, зафиксированными в Вестфальском мире 1648 года, — отмечает один из крупнейших специалистов в области изучения мировой политики М.М. Лебедева, — современная система строится на принципе абсолютного суверенитета государства на своей территории»⁵.

Исследователь выделяет значимые нормы международного права, которые вытекают из этого основополагающего принципа:

– над государством не признается высшей властной инстанции (международная система полностью зависит от согласия государств);

– формальное равенство статуса всех государств и де-факто — контроль над определенной территорией как единственно признаваемый принцип легитимности;

– отношения между гражданами и государством регулируются полностью и только национальным законодательством;

– невмешательство;

– право на самооборону⁶.

Таким образом, национальное суверенное государство с середины XVII века становится важнейшим актором международных отношений.

По нашему мнению, сегодня наметились тенденции «эрозии» государственного суверенитета, а также зарождения основ глобального управления. Первую мы усматриваем в невозможности для любого государства противостоять современным вызовам и угрозам без взаимодействия с другими акторами. Вторая состоит в зарождении не требующего единого центра власти механизма решения глобальных проблем. Области национально-государственного и наднационально-мирового перестают быть обособленными. При этом государства продолжают

³ Там же.

⁴ Там же. С. 114.

⁵ Лебедева М.М., Маркетти Р. Нестабильность на Ближнем Востоке и упадок Вестфальской системы: докл. междунар. дискуссион. клуба «Валдай». С. 3. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/13082/> (дата обращения: 30.10.16).

⁶ Там же.

оставаться важнейшими элементами международной системы, формируя своими взаимоотношениями, формализованными, прежде всего, в договорах и соглашениях, ее регулятивный компонент, что по сей день делает вестфальские принципы действенными и жизнеспособными. Мы разделяем представления и о том, что Вестфальская система не стала глобальной. М.М. Лебедева отмечает: «даже панъевропейской ее можно назвать лишь условно. Существовало два разных мира: «мир Вестфалия» и «мир за пределами Вестфалия»⁷.

Анализируя второе проблемное поле, обратимся к работе Генри Киссинджера «Мировой порядок», в которой автор утверждает, что универсальной модели мироустройства никогда не существовало в принципе. Всегда Вестфальский порядок сочетался с концепциями и представлениями об иных основах мирового политико-правового пространства, таких как «китайский традиционный», «исламский» и «американский мессианский» варианты. Их существование, как нам представляется, оказывает свое влияние на формирование многополярности, поскольку каждый из них опирается на свою философию мироустройства, по-разному его структурирует и тем самым формирует собственный вариант мирового порядка. Наложение этих вариантов друг на друга создает новую модель с несколькими центрами силы и влияния.

Пространные цитаты из указанной работы — наша дань уважения классику современной политологии.

«В китайской концепции, — отмечает Киссинджер, — понятие суверенитета в европейском понимании отсутствовало, поскольку император властвовал над «всей Поднебесной». Он являлся вершиной политической и культурной иерархии, отлаженной и универсальной, которая распространялась от центра мира, каковым являлась китайская столица, вовне, на остальное человечество. Окружающие Китай народы классифицировались по степени варварства, в том числе на основании их зависимости от китайской письменности и культурных достижений... Китай, с китайской точки зрения, должен повелевать миром, прежде всего вызывая благоговение других обществ своим культурным величием и экономическим изобилием, вовлекать все другие общества в отношения, которые, при надлежащем управлении, способны привести к цели — достижению «поднебесной гармонии»⁸.

По нашему мнению, эта концепция по сей день остается одной из политико-философских основ внешнеполитического курса Китая. Мы не имеем в виду стремление к мировому лидерству, но считаем, что представления об исключительности китайской цивилизации востребованы сегодня политической элитой. Это может давать и «обратный эффект». Китай не навязывает себя остальному миру в качестве гегемона, но бережет свои основы и демонстрирует нарастающую мощь.

Обратимся вновь к Киссинджеру. «Исламская версия универсального порядка предусматривала распространение истинной веры на всю «территорию войны», как мусульмане именовали земли, населенные неверными; миру суждено стать единым и обрести гармонию, внемля слову пророка Мухаммада»⁹. Чем не идейная основа для реализации проекта запрещенного в Российской Федерации ИГИЛ, предусматривающего ликвидацию границ, установленных в результате раздела Османской империи, и создание ортодоксального суннитского исламского государства?

Здесь мы должны сделать существенное отступление. Ни в Коране, ни в хадисах (изречениях) Пророка о делении на «территорию ислама» и «территорию войны» не упоминается. Считается, что эту концепцию ввели в обращение исламские богословы XIII–XIV веков.

Однако факт остается фактом. Несистемные акторы, реализуя на Ближнем Востоке свой разрушающий современное мироустройство потенциал, конструируют новый мировой порядок, который с точки зрения «Вестфалия» является «антипорядком», гибелью государственного суверенитета. Дестабилизированный Ближневосточный регион становится одним из «злонамеренных» центров современной многополярности, главным источником разрушительного влияния на нее.

Наконец, Киссинджер говорит о сокровенном, об американских представлениях о мироустройстве. Крупнейший политолог упоминает губернатора Джона Уинтропа, который проповедовал в 1630 году на борту корабля, направлявшегося в поселение Массачусетс, «град на холме», вдохновляя мир справедливостью своих принципов и силой своего примера. Далее автор

⁷ Лебедева М.М., Маркетти Р. Нестабильность на Ближнем Востоке и упадок Вестфальской системы.

⁸ Киссинджер Г. Мировой порядок. М., 2016. С. 14–15.

⁹ Там же. С. 15.

отмечает: «В американском видении мирового порядка мир и баланс сил достигаются естественным путем, древние распри и вражду надлежит оставить в прошлом — едва другие народы усвоят те же самые принципы правления, что и американцы. Задача внешней политики, таким образом, состоит не столько в отстаивании сугубо американских интересов, сколько в распространении общих принципов»¹⁰.

Современные США пытаются предложить мировому сообществу в качестве ориентиров свои образцы общественной и государственной организации, внешнеполитического курса. Американская «псевдодемократия» уже не обеспечивает стабильность внутри страны, тем более никак не хочет «приживаться» на иной национальной «почве». Забыв об уроках прошлого, а скорее не утруждая себя знаниями о них, правящие круги США игнорируют представления о международной стабильности как результате равноправного взаимодействия. Киссинджер, понимая это, подчеркивает: «...американское видение опирается не на принятие европейской системы сбалансированности власти, а на достижение мира посредством распространения демократических принципов»¹¹. Правда, остается открытым вопрос о подлинности этих принципов.

Обсуждение второго проблемного поля приводит нас к пониманию того, что одной из важных предпосылок формирования многополярности является наличие нескольких вариантов представлений о мировом порядке.

Рассуждая о «многополярности 1920-х годов», наименее отдаленному от нас примеру подобной структуры, обратимся к анализу материалов, публиковавшихся в те годы на страницах журнала Народного комиссариата иностранных дел «Международная жизнь».

Система международных отношений, сложившаяся по окончании Первой мировой войны, характеризовалась «европоцентризмом». Именно европейский континент являлся главным внешнеполитическим ландшафтом, на котором разворачивались важнейшие события. Вместе с тем этот регион представлял собой скопление противоречий и нерешенных проблем во взаимоотношениях между государствами.

В первом номере «Международной жизни» И.М. Майский писал: «Буржуазная Европа запуталась. Она не знает, чего хочет. У нее нет великих руководящих идей, которые бы определяли ее жизнь и деятельность. Она вся разбилась на куски, разменялась на мелочи и частности. Она превратилась в клубок безнадежных противоречий, из которых сам мудрый Эдип не нашел бы исхода. И потому буржуазная Европа не имеет не только великих объединяющих идей, она не имеет также воли. Она страдает болезнью расслабления воли — яркого симптома несомненного вырождения»¹².

Если дезориентация начала 1920-х годов стала закономерным итогом мировой войны и результатом отнюдь не миротворческого обустройства Европы на Парижской мирной конференции, то современный континентальный кризис порожден долгими, и пока безуспешными, поисками оптимальной модели миропорядка после крушения bipolarности второй половины XX века.

Новым фактором на международной арене становится внешнеполитическая активность США. Теперь эта страна стремится активно влиять на ход событий и в Европе. По сути именно мировые войны XX века превратили США в глобального лидера современного мира, противоречия которого во многом являются результатом их международной активности. Ради реализации своей внешнеполитической программы, направленной на достижение мирового господства, США используют разнообразные, далеко не всегда «чистые» технологии и практики. Начало этих процессов следует отнести к 1920-м годам. «Если сравнивать американскую политику во всех частях света, — подчеркивал П.Ф. Симонов, — то становится ясным, что все империалистические стремления других, открыто империалистических стран блекнут перед колоссальностью империализма этой, якобы относящейся отрицательно ко всякому империалистическому движению страны — этого мнимого борца за свободу морей и независимость угнетенных стран и народов»¹³. И далее: «...Под сладкие звуки демократических деклараций Америка стремится вырасти и вырастает в новую мировую империю»¹⁴. Оценки 1922 года поразительно актуальны сегодня. Конструируя новый миропорядок и прибегая к

¹⁰ Киссинджер Г. Мировой порядок. С. 16.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² Майский И.М. Комедия бездарного автора // Международная жизнь. 1922. № 1. С. 3.

¹³ Симонов П.Ф. Новая мировая империя // Международная жизнь. 1922. № 16. С. 43.

¹⁴ Там же. С. 46.

демократической риторике, Вашингтон порождает все новые и новые очаги конфликтности и открытого вооруженного противостояния.

Важным, но часто формальным и неэффективным элементом системы международных отношений, сложившихся после Первой мировой войны, стала Лига Наций. Оценки этой организации, данные в 1920-е годы, представляются актуальными и сегодня, когда далеко не лучшие времена переживает ООН. А.А. Иоффе отмечал: «...Много раз съезжались представители 56 государств в Женеве, но, как ни внушительно звучит эта цифра сама по себе и как ни стараются гегемоны мира диалектически превратить это количество в хоть какое-нибудь качество, — дальше одной лишь звучности дело не идет, и фразы, ясно для всех, остаются лишь голыми фразами, а ими теперь никого уже не прельстить»¹⁵.

Современная ООН вполне сопоставима с Лигой Наций конца 1920-х годов: претензии на роль мирового арбитра не подкрепляются реальными возможностями влияния. Организация Объединенных Наций перестала быть серьезным инструментом контроля ситуации в мире со времени крушения биполярной системы. До 1991 года в определенном смысле она представляла собой компромисс между двумя сверхдержавами — СССР и США. Развал Советского Союза неизбежно породил у американской политической элиты стремление подчинить ООН своему контролю. Равновесие было нарушено, и Организация Объединенных Наций перестала быть его олицетворением, а значит и основой стабильности и предсказуемости во всем мире.

Пожалуй, наиболее существенную тенденцию развития международных отношений в конце 1920-х годов отметил В.Н. Дурденевский. «Англия и дирижируемая ею Лига Наций, — писал он, — за последние 10 лет неохотно, но неизбежно уступает командные высоты по международным вопросам САСШ»¹⁶. С тех пор эта тенденция не только получила свое развитие, но и привела к попыткам США построить в конце XX века однополярный мир. Однако вызовы начала XXI века продемонстрировали непрочность новой американской «мировой архитектуры».

Мир, формирующийся сегодня, полон аналогий с тем, который сложился после Первой мировой войны. Тогда несколько центров влияния определяли расстановку сил на международной арене: европейские державы-победительницы, США, СССР, а затем и Германия. «Многополярность 1920-х годов» являлась системой гибкой, более подвижной по сравнению с биполярностью, сложившейся по окончании Второй мировой войны. Однако всегда стоит помнить, что Версальско-Вашингтонская система приобрела деструктивную динамику и, разрушив саму себя, ввергла человечество в самую страшную в истории войну. Формирующаяся сегодня система международных отношений, с одной стороны, делает возможной активность многих акторов, но с другой — она не выработала в полном объеме механизмы самосохранения, противодействия угрозам и адаптации к вызовам.

Наконец, последнее, анализируемое нами проблемное поле — советско-американская биполярность. Подобная структура, несмотря на всю свою военно-политическую и идеологическую конфликтность, была, по мнению ряда исследователей, наиболее устойчивой, способной обеспечить международную безопасность. В августе 1990 года в журнале «Atlantic» была впервые опубликована статья профессора политических наук университета Чикаго, основоположника «агрессивного реализма» Джон. Дж. Миршаймера «Почему мы скоро будем тосковать по холодной войне». Это было время, когда в большинстве своем интеллектуальный мир Запада восторгался «закатом» одной из двух сверхдержав, приветствовал установление американской гегемонии, рассуждал о «конце истории» и торжестве либеральных ценностей в международных отношениях. На этом фоне статья Миршаймера прозвучала явным диссонансом и вызвала у многих специалистов, по меньшей мере, недоумение.

В начале статьи Миршаймер заявляет: «...В один прекрасный день мы станем горько сожалеть об утрате порядка, который благодаря холодной войне пришел на смену хаосу в международных отношениях. Ведь на протяжении 45 лет XX века, до воцарения холодной войны, Европа пребывала в состоянии необузданной анархии»¹⁷.

Следующие после 1990 года сорок пять лет, по мнению американского политолога, будут вряд ли такими же бурными, как сорок пять лет, предшествовавшие холодной войне, которую вслед за американским историком Джоном Льюисом Гэддисом он называет «длительным миром».

¹⁵ Иоффе А.А. Политика разбитого корыта // Международная жизнь. 1927. № 10. С. 22.

¹⁶ Дурденевский В.Н. Лига Наций и международная торговля оружием // Международная жизнь. 1929. № 8. С. 54.

¹⁷ Миршаймер Д. Почему мы скоро будем тосковать по холодной войне. URL: http://www.globallaffairs.ru/number/n_12061 (дата обращения: 30.10.16).

Относительная военно-политическая стабильность 1945–1990 годов объясняется тем, что коренными причинами войны и мира являются характер и распределение военной мощи между государствами. Так, сначала хрупкое, а затем все более прочное состояние мира после 1945 года Миршаймер объясняет следующими факторами:

- биполярным распределением военной мощи на европейском континенте;
- примерным военным паритетом между противостоящими державами — Соединенными Штатами и Советским Союзом;
- обладание каждой из этих сверхдержав весьма значительным ядерным арсеналом¹⁸.

В статье американский политолог выступает последовательным сторонником биполярности, представляющей собой наиболее предсказуемый вариант системы международных отношений. Две сверхдержавы распространяют влияние на своих военно-политических союзников, что гарантирует безопасность этих «малых» стран и от главных акторов, и друг от друга. В такой системе существует лишь одна «диада» (пара), в которой может разразиться война.

Говоря о многополярной системе, Миршаймер подчеркивает ее гораздо меньшую стабильность и устойчивость. «В условиях такой геометрии силы, — пишет он, — намерения соперничающих государств, а также размер и мощь противостоящих коалиций трудно просчитать, поскольку контуры мирового порядка остаются переменной величиной, ведь коалиции имеют тенденцию обретать и терять партнеров»¹⁹.

В общем контексте нашей работы биполярность второй половины XX века важна по двум причинам. Во-первых, с того времени стало очевидным, что состояние советско-американских (в современном формате российско-американских) отношений в обозримой перспективе будет оставаться определяющим для сохранения стабильности мирового порядка. Во-вторых, идеологическое противостояние, во многом определявшее характер советско-американских отношений, вновь, но в иной интерпретации, возвращается на международную арену. Двумя противоположными идеологическими системами становятся, по нашему мнению, современный либерализм Запада и традиционализм Незапада. Именно традиционализм позволит человечеству остаться человечеством в условиях объективной глобализации, но не вестернизации и, тем более, не американизации.

В заключение хотелось бы отметить, что при всей своей уникальности, обусловленной, прежде всего, принципиально новой расстановкой сил, современная система международных отношений формируется на прочном историческом фундаменте, включающем в себя разновременные идеологические и институциональные компоненты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Дурденевский, В.Н. Лига Наций и международная торговля оружием [Текст] // Международная жизнь. — 1929. — № 8. — С. 38–54.
2. Иоффе, А.А. Политика разбитого корыта [Текст] // Международная жизнь. — 1927. — № 10. — С. 21–31.
3. Киссинджер, Г. Мировой порядок [Текст] : пер. с англ. — М. : АСТ, 2016. — 512 с.
4. Лебедева, М.М. Нестабильность на Ближнем Востоке и упадок Вестфальской системы [Электронный ресурс] : докл. междунар. дискусион. клуба «Валдай» / М.М. Лебедева, Р. Маркетти. — 17 с. — Режим доступа : <http://ru.valdaiclub.com/files/13082/> (дата обращения: 30.10.16).
5. Майский, И.М. Комедия бездарного автора [Текст] // Международная жизнь. — 1922. — № 1. — С. 1–4.
6. Миршаймер, Д. Почему мы скоро будем тосковать по холодной войне [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.globalaffairs.ru/number/n_12061 (дата обращения: 30.10.16).
7. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика [Текст]. — М. : Кругъ, 2011. — 560 с.
8. Симонов, П.Ф. Новая мировая империя [Текст] // Международная жизнь. — 1922. — № 16. — С. 42–46.
9. Шахалилов, Ш.Ш. Мировой порядок: проблемы трансформации [Текст] // Международная жизнь. — 2016. — № 9. — С. 112–128.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

REFERENCES

1. Durdenevskij, V.N. Liga Nacij i mezhdunarodnaya trgovlya oruzhiem [Text] // Mezhdunarodnaya zhizn'. — 1929. — N 8. — S. 38–54.
2. Ioffe, A.A. Politika razbitogo koryta [Text] // Mezhdunarodnaya zhizn'. — 1927. — № 10. — S. 21–31.
3. Kissindzher, G. Mirovoj poryadok [Text] : per. s angl. — M. : AST, 2016. — 512 s.
4. Lebedeva, M.M. Nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke i upadok Vestfal'skoj sistemy [Elektronnyj resurs] : dokl. mezhdunar. diskussion. kluba «Valdaj» / M.M. Lebedeva, R. Marketti. — 17 s. — Access : <http://ru.valdaiclub.com/files/13082/> (data obrashcheniya: 30.10.16).
5. Majskij, I.M. Komediya bezdarnogo avtora [Text] // Mezhdunarodnaya zhizn'. — 1922. — N 1. — S. 1–4.
6. Mirshajmer, D. Pochemu my skoro budem toskovat' po holodnoj vojne [Elektronnyj resurs]. — Access: http://www.globalaffairs.ru/number/n_12061 (data obrashcheniya: 30.10.16).
7. Repina, L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika [Text]. — M. : Krug, 2011. — 560 s.
8. Simonov, P.F. Novaya mirovaya imperiya [Text] // Mezhdunarodnaya zhizn'. — 1922. — N 16. — S. 42–46.
9. Shahalilov, Sh.Sh. Mirovoj poryadok: problemy transformacii [Text] // Mezhdunarodnaya zhizn'. — 2016. — N 9. — S. 112–128.

A.I. Minaev

THE ORIGINS OF THE CONTEMPORARY SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

The article centers on a complex, contradictory process of the formation of a new system of international relations and analyzes its origins. The author maintains that international relations is a segment of Social Practice which focuses on intricate patterns of cause-effect relationships of the past, the present, and the future. The modern world order results from the geopolitical reconfiguration of the global space in the late 20th century, starting with the collapse of the Soviet Union.

history of international relations, world order, system of international relations, power balance, unipolarity, bipolarity, multipolarity.